

Семьи

любят петли

Т.А. Горьковская

16+

Татьяна Горьковская
Семьи любят петли

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Горьковская Т.

Семьи любят петли / Т. Горьковская — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-532-03851-6

Герой книги, рассказывающий историю своей жизни, — десятилетняя школьница по имени Алиса. Все вокруг твердят ей о радости и беззаботности, что несет в себе жизнь в десять лет. Но мир, который начинает познавать Алиса собственными глазами, полон всяких неожиданностей, и, к сожалению, не очень жизнерадостных, как казалось ей на первый взгляд. И самым сложным пониманием для десятилетней девочки становится ее родная семья, где, как кажется главной героине, всё должно быть совершенно по-другому. Обложка создана автором книги.

ISBN 978-5-532-03851-6

© Горьковская Т., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Глава 1

– Осталось всего пять минут до конца урока! – проговорила так громко Вероника Александровна, чтобы ее смогли услышать и сидящие на последние партах ученики, а именно Каченцов и Романов, которые безуспешно пытались списать ответы у соседних парт с такими же подходами в решении задач, что и у них самих.

– Кто уже расписал решение и записал ответ, могут сдать свои тетрадки и спокойно дожидаться звонка, – продолжила Вероника Александровна, периодически поглядывая на наручные часы.

«Будто она может его остановить или изменить. Зачем так часто смотреть на время, если ничего нельзя поделаться с ним? Когда я стану взрослой, то ни за что не стану такой занудой», – промелькнула быстро мысль у меня в голове, пока я аккуратно выводила цифры в ответе.

В задаче нужно было выяснить, какое расстояние пройдет теплоход в каждый из двух дней, если он шел с одинаковой скоростью. В учебнике было написано только общее расстояние за два дня и сколько времени проходил теплоход в каждый из этих дней. Все оказалось несложно, если подставлять значения в формулы, придуманные великими математиками много лет назад. Правда, все же зря они, наверно, так старались для будущего поколения. Каченцов с Романовым со своим аналитическим складом ума придумали собственный подход к решению всех математических задач – списывать готовый ответ у соседа по парте.

Раздался школьный звонок.

– Урок окончен! – крикнула Вероника Александровна, освобождаясь от зависимости следить за временем. – Пожалуйста, сдайте ваши тетради на учительский стол и можете идти домой. На сегодня хватит с вас задач, – закончила она со вздохом.

В классе началась суматоха. Многие уже складывали свои вещи в рюкзак, одновременно перешептываясь друг с другом и делясь правильными ответами. Это было самое удачное время для списывания, когда отличникам уже ничего не мешало при решении задач и они могли спокойно похвастаться своим преимуществом перед одноклассниками, не такими умными, как они сами.

Я быстренько запихнула книги и пенал в свой большой красивый рюкзак. Держа тетрадь по математике в руках, я поднялась со второй по счету от учительского стола парты в первом ряду.

– До свидания, Вероника Александровна, – проговорила я, кладя тетрадь поверх уже образовавшейся стопки на ее столе.

– До завтра, Алиса. Не забудь дополнительно позаниматься с задачами дома, если хочешь получить пятерку в четверти, – произнесла она с напутствием.

– Хорошо, я буду стараться, Вероника Александровна, – ответила я, поправляя тяжелый рюкзак за спиной.

Уголки ее губ слегка приподнялись в подобие улыбки, прежде чем отвернуться к подошедшей к ней Лилии. Здесь уже она не скрывала своего счастья при виде отличницы нашего четвертого класса. Нет, Вероника Александровна была не плохим учителем, и лично мне она нравилась. Она часто шутит и не так часто кричит, как другие учителя, но, к сожалению, ее сердце было занято только пятерками. Я была сильна в делениях и умножениях чисел между собой, а также прочих действиях, связанных с числами. И мне никогда не составляло особого труда получить пять у доски по этой теме. Но вот с задачами, к сожалению, у меня складывалось не всё так удачно. Были и четверки, и даже тройки. Поэтому от Вероники Александровны я никогда не дожидалась похвалы, даже когда получала несколько пятерок подряд. Если есть четверка или, не дай бог, тройка, можешь распрощаться с ее одобрением. Самое большее,

на что можно рассчитывать, это приподнятые уголки учительских губ в молчании. Взрослые порою такие непонятные, как задачи в учебнике. Делить цифры куда понятнее.

– Алис, ты идешь домой? – спросила София, остановившись около меня.

Я отвернулась от улыбающейся Вероники Александровны.

– А тебя с сестрой разве папа не заберёт сегодня из школы? – спросила я, выходя из кабинета.

– Нееет, – протянула София, – они с мамой сегодня поздно будут. Вот, – она достала свой телефон из кармана, – написали СМС, что не успевают забрать меня. Работа и всё такое... А Лариса собиралась куда-то со своими взрослыми подругами после школы. Со мной и с родителями ей больше не интересно. Так что сегодня мы с тобой вместе идем домой.

Мы с Софией вышли в просторный школьный коридор, переполненный толпой учеников в строгой зеленой форме и с радостными лицами из-за окончания последнего урока. Кроме, конечно, старшеклассников. Они переходили из одного кабинета в другой для следующего урока. С каждым годом они становились все серьезнее, переступая двери учительских кабинетов, о которых мы даже еще и не знали. Мы только знали, как выглядит лишь пара-тройка кабинетов из всей школы. Чему их там учили, было мне непонятно, потому что со временем лица старшеклассников постепенно менялись. Они всё так же веселились и дурачились в коридоре на каждой перемене, как и все ученики в этой школе, но с какой-то проскальзывающей странной злостью на своём лице, кидаясь обидными шутками всё больше и больше. Чем старше они становились, тем злее были.

– Везет тебе, – произнесла я слегка с грустью.

– С чего это ты взяла? – воскликнула София в удивлении, убирая телефон в боковой карман своего рюкзака.

Я глубоко вздохнула.

– У тебя хотя бы есть перспективы того, что отец будет забирать тебя из школы. Пускай не сегодня, так завтра или послезавтра. У меня же это не случится НИКОГДА.

София, конечно же, знала, что мои родители развелись, когда мне было четыре годика. Единственный раз, когда папа посещал школу, была линейка в первом классе. С тех пор он не переступал порог школы, где я училась. Двум моим старшим братьям, закончившим школу несколько лет назад, повезло больше, чем мне. Они родились вовремя.

– Да брось, Алис! – воскликнула София, прищурив глаза. – Зачем из-за этого расстраиваться? У Коробеевой родители тоже разведены, как и у Ламаева с Романовым, и они совсем не думают об этом.

– Потому что они привыкли к этому. Ты же не удивляешься каждый раз, когда видишь перед собой вилку на столе. Не говоришь: «О боже! Что это за прелестное создание лежит тут на столе?! Не могу не говорить о ней каждый раз, когда вижу ее перед собой», – проговорила я смешным басистым голосом.

– Нет, конечно! – засмеялась София в ответ, прикрывая рот рукой.

Она немного стеснялась тоненькой проволоки, проходящей по всем верхним зубам, которая должна была исправить неправильный прикус Софи. После того как стоматолог ей поставил пластинку, она практически не разговаривала ни с кем. Софи повторяла, что чувствует, как зубы шевелятся и двигаются у нее во рту из-за этой пластинки, оттого ей и было ужасно больно. Первое время она часто плакала, выбрасывая пластинку под кровать, пока родители не видели. Поначалу я не верила подруге, считая, что Софи выдумывает боль, лишь бы просто не носить эту металлическую проволоку на зубах. Но потом я заметила изменения в ее улыбке. Когда боль утихла, она показала мне свои зубы, что неизменно становились правильными, по мнению ее родителей, т. е. как у меня и многих других ребят. Я и не думала, что это плохо, когда твои зубы выглядят неровными, как у Софи, пока на это мне не указали.

– Алис, смотри, – проговорила она шепотом, указывая на кого-то пальцем в толпе.

Я проследила за ее любопытным взглядом. София смотрела на девочку со светлыми волосами и зелеными глазами, что была младше меня на три года. Ее звали Кристина. Она тоже была дочерью моего отца, но только другой мамы.

– Это разве не твоя сестра? – спросила удивленно Софи, не отрываясь смотря на Кристину.

В этот момент Кристина повернула голову в нашу сторону, словно почувствовала, что за ней наблюдают, и задержала свой взгляд на мне.

– Нет, – ответила я, резко отвернувшись, – мама говорит, что она мне не сестра.

Отвернувшись, София промолчала, ничего на это не сказав. С родителями не спорят.

Медленно продвигаясь сквозь толпившийся у школьных дверей народ, мы наконец-то вышли на улицу. Теплое солнце, стоявшее в безоблачном небе, заставило нас снять темно-зеленые пиджаки, в которых становилось нестерпимо жарко под его лучами. Не снимая рюкзака с плеч, я расстегнула молнию, намереваясь убрать внутрь пиджак, чтобы не нести его всю дорогу в руках. Обернувшись, я встретила вновь взглядом с Кристиной, следовавшей позади нас с Софией.

На самом деле я заметила Кристину еще три дня назад в нашей школе. Я не понимала, почему ее перевели, пока прошлой ночью случайно не подслушала разговор мамы с Гришей, сидевших на кухне допоздна. Они говорили о папе и обсуждали его переезд в новый дом, что был неподалеку от нашего собственного. Мама была очень зла из-за этого. Я тоже не была в восторге, ведь теперь мне придется избегать его общества нарочно, в отличие от того времени, когда мы виделись сравнительно редко.

В этот момент к нам подбежала Наташа, тяжело дыша от бега.

– Эй! Вы что, обо мне забыли? – воскликнула она с обидой, переводя взгляд от меня к Софии.

Она встала посередине между нами, выравнивая ритм своих шагов параллельно с нашими.

– Мы не стали мешать тебе списывать у Лилии. Между прочим, в последнее время ты всё больше общаешься с ней и с ее компанией, – заметила София, затягивая ту же хвост на голове.

Наташа закатила глаза от ее слов.

– А ты как думаешь, Софи, списывать у отличниц? Нужно с ними дружить, чтобы списывать. Даже моя мама говорит: «Найди себе такую подругу, чтобы списывать ее пятерки».

– Это... звучит просто ужасно... – произнесла я, брезгливо сморщив нос.

– Моя мама очень умная. Она живет дольше, чем я, поэтому и знает больше, – продолжила Наташа хвастаться.

– Это твои слова или твоей умной мамы? – спросила Софи с улыбкой.

В ответ Наташа лишь показала ей язык, что, несомненно, вызвало подражательство и со стороны Софии.

– Хватит вам обеим! – крикнула я на них, включая взрослый голос. – Ведете себя как дети!

– Ты слышала, София? – проговорила Наташа, смеясь. – Алиса у нас оставила позади детские годы. Проверим ее серьезность нашим любимым тестом?

Мы с Софией догадались о ее планах.

– Правила всё те же, – продолжила Наташа, – каждый по очереди говорит слово «Я», и так до тех пор, пока кто-нибудь не сдастся и не засмеется, – она повернулась к Софии. – Ну что, играем?

– Я за! – ответила София.

Кивнув удовлетворенно ее ответом, Наташа с вызовом повернулась ко мне.

– А ты что скажешь?

– Это глупая игра, – пробубнила я в ответ, также согласившись, понимая, что у меня просто нет выбора.

– Хорошо, – ответила она, улыбнувшись. – Я первая начинаю, затем Софи, а затем ты. Я! – воскликнула Наташа.

– Я! – повторила следом Софи, уже пытаюсь сдержать улыбку, рвущуюся наружу.

– Я! – повторила и я тоже, как попугай, за ними, предвкушая уже надвигающееся веселье, несмотря на всю свою напускную серьезность перед подругами.

– Я... – открыла вновь круг Наташа, стараясь внятно его выговорить.

С каждым произнесенным вслух «я» наши голоса становились всё более неуверенными и сдавленными от пробежавшего смеха в тот момент, когда подходила твоя очередь говорить. Непонятно, как и почему, но это работало. Не выдержав и четвертого круга, я громко рассмеялась, так и не сумев больше ничего вымолвить. За мной последовала София, а за ней Наташа. Ну что я могла сказать в свое оправдание? Взрослой быть скучно. Может, нам было смешно оттого, что это было ужасно глупо? Видеть, как кто-то тупо повторяет твои слова или действия? Да... Это просто ужасно тупо.

Я смеялась намного громче, чем мне хотелось на самом деле. Мой спектакль был направлен на слушателя, что шел позади нас троих, – Кристину. Пусть знает, что у меня и так всё хорошо без потенциальной сестры, несмотря на моё любопытство к кровным узам с нею. Интересно, каково это – иметь сестру? Маме бы такие мысли, конечно, не понравились...

Глава 2

Ходьба от школы до дома занимала примерно пятнадцать минут. София с Наташей жили еще дальше меня, но не настолько, чтобы мы не виделись вне школьных занятий. Мы дружили втроем с самого первого класса, правда, они с Софией знали друг друга еще с «малого детства», как любит выражать свои умные мысли Наташа. Одна улица, одна дорога и несколько разделяющих их жилых домов – и вот они друзья с тех пор, когда даже себя еще не помнят. Я же называю эту огромную дыру в памяти «младенческим детством».

Наташа рассказывала, что это она подошла ко мне поздороваться в наш первый совместный урок три года назад. Я жутко застеснялась, когда она обратилась ко мне, спрашивая мое имя. По крайней мере, так пересказывает она сама. Я тот день вообще не помню. Это довольно странно... Как можно жить и не помнить этого? Ведь не помнить что-то – всё равно что не жить.

– Ты чего такая грустная? – прервала мои раздумья Наташа.

– Да так... ничего интересного, – ответила я, не желая делиться мыслями вслух.

– Она расстроилась из-за отца и его дочери, – прошепелявила тихо София над ухом Наташи.

– Ааа... – протянула та, будто понимая меня. – А я-то думаю, где видела эту светловолосую девочку, что сверлила вам спины, пока вы не видели.

– Вовсе не из-за этого! – возразила я, злясь немного на болтливость Софии.

Впереди приближался поворот, где я могла спастись от Наташиных вопросов.

– Ладно, пока. Увидимся в школе завтра, – кинула я девочкам через плечо, стараясь как можно быстрее от них скрыться за пушистыми деревьями.

– До завтра! – крикнули они в ответ, не попадая в один голос.

В нашем квартале в основном всегда было тихо и спокойно, поэтому я еще слышала некоторое время доносившийся смех подруг на другой стороне дороги, что уводила их в противоположную от моего дома сторону.

Я с нетерпением ждала предстоящих летних каникул, что наступят через два с половиной месяца. Хочется не столько перестать делать уроки и вставать рано по утрам, сколько просто быть освобожденной от всех детских обязанностей, что накладывают учителя и мама. Когда их ожидания оставляют меня в покое, я могу наслаждаться дарованной мне свободой по своему усмотрению! Вставать, когда захочу, идти гулять с подругами на нашу речку и многое другое, чего стоит захотеть. Здорово, когда от тебя ничего не ждут.

За пробегающим ходом мыслей время прошло быстро, когда я поняла, что уже оказалась около родного дома. Правда, если разобраться, у нас было два дома в одном дворе. Один по площади был больше, в нем жил старший брат Гриша со своей женой и маленьким ребенком, и мы с мамой в доме напротив, поменьше. В общем, жили вместе по отдельности. Мой еще один старший – средний – брат Никита жил на другом конце города. Так сказать, если жить отдельно от семьи, то уже наверняка.

Закрыв с грохотом калитку, я оповестила таким образом маму о том, что вернулась домой. В большом окне, выходившем во внутренний двор, промелькнуло мамино лицо.

Я открыла входную дверь. Запах вкусного мамино гуляша отрезал меня от всех прочих мыслей. Больше ни о чем не думая, кроме голода, я бросила рюкзак на стоящую рядом тумбочку в коридоре и бросилась бегом на кухню к столу.

– Привет, мам, – крикнула я, не успев еще войти в кухню.

Мама еще не успела мне ничего ответить, как я уже сидела за столом, держа вилку в руке.

– А-а-а, – воскликнула она, останавливая меня, – ничего не забыла?

На моем лице появилась хитрая улыбка.

– Я очень люблю тебя и... твой вкусный гуляш, – проговорила я, спрятав руки под стол. Упрек на мамином лице сменился теплой улыбкой. Я знала, что это сработает. Если говорить человеку, что любишь его, он становится добрее.

– Это всё равно не спасет тебя от мытья рук, – проговорила мама уже не таким строгим голосом, как минуту назад. – Быстро сходи в ванную и затем возвращайся к столу.

Со вздохом я поднялась из-за стола и направилась по указанному мне направлению. Что тут скажешь, маму надо слушать. Как там говорила Наташа или мама Наташи? Ведь мама уже живет очень много на этой земле, дольше меня или моих друзей, а значит, знает гораздо больше, чем собственный ребенок. Так и моя мама частенько сама повторяет, гордясь наработанным опытом по выживанию.

– Совсем забыла тебе сказать! – крикнула вдруг она с кухни, пока я боролась со скользким мылом в раковине.

Тут же после ее голоса послышалось громкое скворчание сковородки, видимо, от упавших капель воды. Раздался мамин крик:

– Да что же это такое за наказание мне! – воскликнула она резко, заставив меня вздрогнуть, пока я ополаскивала руки.

Выключив кран, я выбежала в испуге из ванной. Меня охватил непонятный страх за маму или больше за себя. Я боялась, что не смогу ей помочь, когда это нужно, и боялась ужасно этой беспомощности. На кухне около холодильника я увидела маму с искривленным от боли лицом, что старается приложить лед к вытянутой перед собой правой руке. На ее запястье появилось красное пятно, похожее на сильный ожог. Приложив холодный пакет со льдом, черты ее лица немного расслабились.

– Почему мне так не везет, господи... Даже чертовы сковороды настроены против меня, заставляя страдать от боли! – не переставала она причитать.

Мама опустила на стул, спрятав свое лицо в ладони здоровой руки. Она тяжело и глубоко дышала, пряча глаза, пока не послышалось тихое всхлипывание. Теперь я боялась, что она заплачет. По ночам я часто слышала, как плачет мама в соседней комнате, уткнувшись в свою подушку. И я всегда ее поддерживала, хоть она и не подозревала об этом, то есть всегда плакала вместе с ней.

Мне казалось, что и теперь дело не совсем в ожоге. Я подошла к ней на цыпочках и обняла со спины.

Когда взрослым плохо, они обнимают друг друга и говорят различные слова, от которых им становится легче. Я не знала, что именно нужно говорить, чтоб успокоить маму. Наверно, потому что для меня взрослые проблемы кажутся детскими и слишком трудными. Для того чтобы знать подходящие слова, нужно быть взрослым. Взрослый всегда поймет другого взрослого. Поэтому я могла только обнять и заплакать вместе с ней. Почувствовав мои прикосновения, она перестала шмыгать носом, вытирая быстро глаза, будто вспоминая, что здесь она не одна.

– Спасибо, мое солнышко, – проговорила она тихо. – Я в порядке! – попыталась она произнести как можно веселее, легонько похлопав меня по рукам.

– Мам... – начала я неуверенно. – Это всё из-за папы, да? Из-за него ты обожглась? – спросила я, вытирая набежавшие слёзы.

Мы редко говорили о нем. Даже слово «папа» звучало каким-то диким и чужим в этом доме.

– Нет, Алиса, – ответила она ровным голосом, – он здесь ни при чём. Я плачу из-за того, что болит рука. От любой боли хочется плакать.

Мама никогда не позволяла себе расстраиваться из-за папы, даже от его упоминания.

Приободрившись после последних слов, она окончательно перестала беспокоиться из-за ожога на своей руке. Встав со стула, она отложила лёд в сторону и как ни в чем не бывало

продолжила готовку на плите. Мама всегда начинала чем-нибудь заниматься после разговоров о моем отце. Даже не знаю... она делала это назло себе или ему...

– Садись, – проговорила она, ставя передо мной полную тарелку, – кушай и потом ступай делать уроки. Не затягивай с ними до вечера.

– Хорошо, – ответила я, обрадовавшись, что больше не нужно плакать.

Мамино пюре с гуляшом как всегда было то, что нужно. Еда всегда была вкуснее после слез.

– Ох, господи! Я снова забыла, – воскликнула она разочарованно, выдвинув ящик в кухонном столе. – Вот, – она подняла вверх какой-то белый конверт, – это принес сегодня почтальон. Письмо тебе от Никиты.

Моей радости не было предела, как только я увидела конверт в маминых руках. Я принялась со всепоглощающим чувством поедать свой обед. Мне хотелось как можно быстрее взять конверт в свои руки, вскрыть его содержимое. Что же в этот раз написал мне другой старший брат? Пришлось даже подавиться картошкой от восторга, что я получила письмо.

– Тише, Алиса, не спеши ты так! Оно никуда не денется, пока ты ешь, – проговорила недовольно мама, наливая мне стакан воды.

Мама не могла меня понять. Это же так здорово – получить письмо! Не сообщение в телефоне, не электронное письмо по интернету, а настоящее живое письмо! Которые разносят почтальоны по домам. Это как запечатанный подарок, когда приятен не столько подарок, сколько его наличие.

Расправившись с едой за две минуты, я выскочила из-за стола так быстро, что мамин голос не успел еще добраться до моих ушей, твердя что-то про несделанные уроки. Всё, что сейчас мне было нужно, это аккуратно запечатанный конверт, который я успела схватить со стола, прежде чем выбежать из кухни.

Закрывшись в своей комнате, я ощутила себя в безопасности. Мне, конечно, вовсе ничто не угрожало, но здесь веяло моим собственным миром, где был признан только мой порядок или беспорядок. Я помню тот день, когда привезли мебель для моей отдельной комнаты... Как старательно я расставляла по полкам книги и школьные тетрадки вместе с висящим плакатом над кроватью, на котором была подпись циркового дирижёра. Не знаю, зачем я сохранила этот старый плакат, но если человек раздавал свои автографы, значит, он знаменит, пускай даже я его и не помню. Он же уделил мне время, когда ставил свою подпись на поднесенном мною плакате. А это тоже нужно уважать.

Перехватившее дыхание от уединения в запертой комнате заставило меня подождать еще некоторое время, прежде чем распаковать конверт. Он был так красиво запечатан, что мне стало жаль его портить.

Я взглянула на старательный почерк брата, заполнявшего адрес на лицевой части конверта.

Больше всего мне нравилось здесь то, что напротив строчки «Кому» было указано мое имя. Так здорово, когда что-то делается только для тебя... На планете более семи миллиардов людей, а ты вошел в список тех счастливиц, у которых есть на тебя время. Глубоко вздохнув, я распечатала письмо. Внутри был один исписанный листок, сложенный пополам. Забыв обо всем на свете, я погрузилась в написанные истории брата, что случились с ним за последнее время. Из письма я узнала, что он нашел новую работу, и намного лучше, чем прежняя, потому что здесь теперь он работает только на себя.

«Хм... неужели работать с кем-то так действительно плохо? Разве быть одному не ужасно скучно?»

Но, махнув головой, я вернулась к чтению. Еще он рассказывает о своей новой девушке – Полине. Что она хорошая, милая и всё такое... Я бегло пробежала глазами по восторженным отзывам своего брата. Мне стало немного обидно, что он заполнил столько строк в моем

письме, адресованных некой Полине. Разговоры о ней заняли целых четыре предложения! Что ж... Она мне уже не нравится, раз таким наглым образом вошла в нашу переписку. Вот так я и напишу в ответном письме ему, решила я, продолжая читать дальше. Поведая еще несколько забавных случаев из своей далекой от нашего дома жизни, он как всегда в конце письма передавал теплые приветы родным, не обделяя никого своими шутками, что невольно заставило меня смеяться, позабыв о возникшей внезапно вражде к его идеальной девушке. Когда я улыбаюсь, я не могу ни на кого злиться. В этом весь Никита. Он всегда говорит что-то смешное, даже когда этого и не планировал, заставляя всех нас улыбаться и чувствовать себя в этот момент семьей. Когда он приезжает в гости, то словно поднимает со дна полного стакана осевший сахар, который мама с Гришей не в силах сами поднять. Гриша не был похож на Никиту, скорее, девяносто процентов серьезности у него от мамы. Он не любил много болтать. Мама же, наоборот, всегда успевала поговорить со всеми, но по большей части это походило на грустные высказывания, нежели на обычную беседу. Они, конечно же, тоже пытаются шутить, но их шутки не вызывают такого единения семьи за кухонным столом. Шутить могут все, а вызвать в ответ улыбку, забывающую обо всем, – лишь немногие.

«Ну всё, сестренка, писать больше нечего мне пока. Я и так уже растягивал буквы на три клетки, чтобы целый лист оказался исписанный. (Не вздумай так проделывать, когда будешь писать сочинения в школе (нарисованная улыбка)).»

Скучаю по тебе и маме с Гришей. Обнимаю вас крепко.

Ох, совсем забыл!

Спроси у Гриши насчет той суммы, что он мне недавно перечислил. Когда ему нужно вернуть ее обратно? Если что, я и вовсе могу не отдавать (снова рисунок улыбки).»

Я отложила письмо в сторону. Не люблю, когда написанное заканчивается, будь то книга или короткое письмо от брата. Как-то становится грустно и неуютно внутри меня. Конец, какой бы он ни был – счастливый или плохой, всегда означает конец чего-то важного или интересного. Я уронила голову на сложенные перед собой руки на столе. В последний раз Никита приезжал домой месяца два назад. Это очень много для меня, словно мы не виделись несколько сотен лет. Но так бывает, когда ты сильно скучаешь по определенным людям. Несмотря на то что мы находимся в одном городе, он всё равно не может бывать часто дома, потому что теперь Никита приезжает к нам исключительно в гости. Здесь его семья, но дом его там, где он живет собственной жизнью.

Я включала и выключала лампочку в настольном светильнике, так и не подняв головы, ожидая, пока пройдет беспокоившая меня грусть после прочтения. Знаю, что нужно лишь немного подождать – и эта странная тоска пройдет. Всё со временем проходит, если подождать.

Глава 3

После сделанных уроков и дополнительного задания от Вероники Александровны я наконец-то была свободна. На какое-то время. Странно, что все почему-то завидуют нашему возрасту. Повторяя с тяжелыми вздохами, что наша жизнь самая замечательная и что сейчас мы, не понимающие ничего дети, имеем. Свободная от всех хлопот и забот. Но чему здесь можно завидовать, спрашивают они? Как по мне, так вечный контроль того, что мы делаем, как, зачем и почему, и не прекращающиеся указания, как надо жить. Мне больше по душе жизнь взрослого, который работает и зарабатывает деньги. Где деньги, там ни от чего не зависящая жизнь.

Повертевшись лениво на крутящемся стуле, я решила пойти к Диане – жене Гриши. И заодно навестить малышку Жасмин. Красивое имя... Как цветок. Правда, сама она такая страшенькая и ужасно сморщенная... А еще она постоянно кричит и кричит! И не дай бог не сделаешь, как она хочет! Но теперь она новый член семьи, и нужно принимать ее такой, какая она есть. Родных ведь не выбирают. Проходя мимо гостиной и кухни, я выскочила бесшумно в коридор, пока мама была занята чем-то важным на кухне. Она всегда находит, чем заняться, чтобы у нее не было времени скучать.

Перебежав из одного дома в другой, касаясь жарких лучей солнышка, я как всегда сосчитала каменные ступеньки при подъеме. Количество не изменилось, конечно же. Всё так же ровно семь ступенек. Я бы добавила одну сюда или, наоборот, убрала, чтобы хоть как-то разнообразить счет. Скучно делать одно и то же. Тихонько приоткрыв дверь, я увидела сидящую на стуле Диану, мирно качающую на своих руках Жасмин. У нее были закрыты глаза. Видимо, она только что уснула. А она все же милая, когда молчит, и кажется довольно беззащитной вот так на руках и с подергивающейся соской во рту.

Диана, заметив мое лицо в щели приоткрытой двери, тепло улыбнулась. Жестом она показала мне входить. Осторожно, чтобы не разбудить Жасмин, я закрыла за собой немного скрипучую дверь и на цепочках, воображая себя самым легким перышком в мире, приближалась к ним.

Диана, чтобы не потревожить заснувшую на руках малышку, неторопливо поднялась со стула и отнесла ее в кроватку. Еще немного покачав кроватку, она тихо напевала какую мелодию с закрытым ртом. Вот бы меня так укачивали, когда совсем не можешь заснуть... Успокаивая приятной мелодией, для которой необязательно даже выговаривать слова. Чем взрослее ты становишься, тем меньше заслуживаешь внимания.

Вернувшись, Диана облегченно вздохнула, потирая руки.

– Я думала, она никогда не уснет, – проговорила она шепотом, закрывая детскую. – Давно пришла из школы?

– Ага, – ответила я, кивнув. – Только что сделала уроки. А как у вас день прошел? Гриши еще нет дома?

Диана принялась собирать детские игрушки, разбросанные Жасмин по всей комнате.

– Как всегда, – сказала она со вздохом. – Покушали, поиграли, сходили на горшок, спим. И так по кругу.

– Хм... Звучит не так уж плохо, – ответила я, немного завидуя своей племяннице.

До сих пор не могу поверить, что я чья-то тетя. Получается, я тоже могу командовать, раз в нашей семье появился кто-то, кто младше меня? Мои родные постоянно так делают. Если им что-то нужно принести, Алиса прям кстати.

Диана улыбнулась на мое замечание.

– Слышала, Никита прислал тебе очередное письмо? Как у него дела?

– Хорошо. Нашел любимую работу, хорошую девушку. Недавно вернулся из нового путешествия. Кажется, он счастлив, – заключила я, делая умный вид.

– Не всегда всё так просто, Алиса, – ответила Диана, поднявшись с пола. – Поначалу нравится все, что ты находишь, но только время покажет, так ли это.

– Почему? – спросила я непонимающе.

– Сложно сказать. Понимаешь, очень часто новизну путают с желанием. В общем, если тебе что-то не надоело, значит, ты это любишь.

Я задумалась.

– А может, не стоит тогда тратить всё свое время на поиски неизвестного? Так вся жизнь пройдет!

– Конечно, можно, – ответила Диана, улыбнувшись. – Но все мы хотим быть созданы для чего-то и кого-то. Вот и ищем что-то похожее на это.

Я закатила глаза. Как же всё запутано у взрослых.

С улицы послышался громкий стук калитки. Гриша вернулся с работы.

– Еще только май, а солнце жарит как в середине лета, – пробурчал недовольно Гриша, заходя в дом.

– Тсс... тихо! – воскликнула шепотом Диана, указывая на детскую Жасмин. – Если будишь, будешь сам ее качать на руках целый час. Если тебе, конечно, повезет так мало.

– Спасибо, но нет, – ответил уже тише Гриша, садясь за стол, – лучше я попрошу об этом Алису. Она наверняка соскучилась по Жасмин, раз сидит здесь.

– Почему я?! – воскликнула я тут же с недовольством. – Почему всегда крайней оказываюсь я?

Гришу забавляло мое непонимание.

– Ты же у нас младшая, и к тому же тебе все равно нечем заняться.

Я фыркнула в ответ.

– Как же мне получать удовольствие от своей беззаботной жизни, когда меня постоянно что-то заставляют делать?

– А ты как думала? – продолжал подшучивать надо мной Гриша. – За всё приходится расплачиваться, даже за беспечность. Мы таким образом подготавливаем тебя ко взрослой жизни, где первым делом идет ответственность за то, что ты вырос.

Диана попросила нас спорить как можно тише, без пробуждения Жасмин. Но я не собиралась просто так сдаваться.

– Между прочим, у меня есть чем заняться. Мне нужно ответить на письмо Никиты, – ответила я победоносно, что нашла занятие, не терпящее отлагательств. Так считала я, по крайней мере, сама.

Гриша некоторое время молчал.

– Что пишет на этот раз брат? – спросил он с недоверием. – Опять посещает свои курсы по духовному росту? – подметил он с издевкой, в которой больше было грусти, чем шуток.

Я его в какой-то степени понимала. Никита после посещений регулярных тренировок стал постепенно меняться. Это случилось примерно с полгода назад, когда он приезжал к нам в гости и не переставал рассказывать о своих встречах, где учат смотреть на жизнь по-другому. Я так поняла, там дают уроки счастья, раз ты сам этого не можешь познать. До этого момента я и не подозревала, что и взрослых учат, как жить. Неужели это так сложно? Никита не прекращал говорить о времени, которого всегда не хватает, о близких, на которых постоянно мы не находим этого же свободного времени, а еще... о каком-то долге перед землей и кармой, что мы несем от наших предков. В общем, Никита старался жить правильно. Родные считали, что он попал в какую-то секту. Он хотел что-то изменить, а в результате изменился сам. Никита становился всё более задумчивым, придиричивым, постоянно всех поправляя, и, как следствие, всё чаще был мрачным и раздражительным. Чем больше он говорил, тем реже смеялся. Его шуточки приобретали какой-то злой характер, как у тех старшеклассников в школе. По большей части он перестал шутить. Он высмеивал.

Но тем не менее я любила своего брата, как и маму вместе с Гришей. Пускай на их лицах проскакивала недовольная гримаса каждый раз, когда Никита начинал свои нравоучения, но на нем всё ещё было лицо моего брата, который часто играл со мной маленькой и убирал «Лего» на игрушечных тарелках, пока я отворачивалась, чтобы накормить другие якобы голодные мягкие игрушки. И когда я поворачивалась обратно, я с удивлением обнаруживала пустые тарелки и невинную улыбку брата. Так Никита заставлял верить меня в чудеса. Что мои игрушки действительно едят «Лего».

Поэтому Гриша и скучает по тому веселому брату, как и я. Иногда. Только он никогда в этом не признается.

– Я не помню... – ответила я уклончиво. – В основном он писал о новой работе, – солгала я, не желая, чтобы Гриша злился.

– Странно, – произнес он с подозрением, – только ты из нас обладаешь терпением выслушивать его моральные устои.

Гриша был прав. Я всегда соглашалась, когда Никита о чем-то увлеченно пересказывал мне из своих умных книг. Мне не хотелось ссориться ни с кем из них.

– Может быть... не всё, что Никита говорит и делает, плохо?

Гриша равнодушно пожал плечами.

– Вряд ли. Поработал бы он лучше физически с утра до вечера, как я на своей работе. Не оставалось бы тогда сил на поиски смысла человечества на земле. Физический труд отгоняет всякие дурные мысли, а выпавшая свободная минутка перед телевизором становится твоим самым настоящим счастьем.

Я отвернулась, молча размешивая чашку горячего чая, что принесла мне Диана. Я не знала, кто из них был прав. Каждый приводил свои убедительные доводы о том, как можно быть счастливым. Но для меня в данный момент счастье – это когда твои родные просто не ругаются.

Глава 4

– Так, ребятаки! Подошли-ка все ко мне быстро, быстро! Чтобы я всех видел! Один, два, три... десять, одиннадцать... четырнадцать. Вроде все на месте. Никого не растерял? – крикнул наш физрук, обводя бегло всех взглядом. – Имейте в виду! В школе у меня была тройка по математике, поэтому, если что, я не виноват, – произнес он с абсолютно серьезным лицом. Иногда мы не понимали, шутит он или нет. Трудно определить, что нужно делать: то ли смеяться, то ли бежать к директору...

– Как говорится, молчание – знак согласия? Ну так что, – он просмотрел на часы, – до конца урока есть еще пятнадцать минут. Во что хотите сыграть? Пойти в зал и поиграть в волейбол или на улице чем-нибудь себя займете?

– Я знаю! Я! – крикнул Каченцов, улыбаясь во весь рот. – Вы можете нас всех сейчас отпустить, и мы пойдем по домам. А если кто спросит, то мы скажем, что вы, наверно, перепутали время. Ведь у вас была тройка по математике. Есть, так сказать, алиби вашей ошибки.

Весь класс засмеялся. Еще бы! Всем хочется уйти пораньше с последнего урока.

Физрук наклонил слегка голову вниз, чтобы видеть Каченцова без очков.

– Шерлок Холмс, а ну-ка... ответишь, сколько деревьев растет за школой, тогда я и отпущу тебя вместе со всеми домой.

Каченцов серьезно задумался, складывая, видимо, в уме.

– Ммм... десять, нет! Одиннадцать! – воскликнул он радостно.

Физрук покачал головой.

– Неверный ответ, Каченцов. А теперь, – физрук достал из кармана свой секундомер, – давай-ка ты один два круга вокруг школы в умеренном темпе.

И нажал на секундомер.

– Но как же... – начал протестовать Каченцов, жалея, что завязал этот разговор. – Урок же окончен!

– Ничего, ничего. Время еще есть, а заодно и посчитаешь, сколько же там растет на самом деле деревьев. Что стоишь, Шерлок? Время идет! Давай, давай, беги! – закричал он на него.

Сверкнув глазами на физрука и на своего друга Романова, что безуспешно пытался подавить смех, зажимая рот руками, Каченцов в полном одиночестве побежал прочь. Когда он скрылся из вида, физрук снова обернулся к нам.

– Ну так что? Решили что-нибудь? Или выбор я сделаю за вас.

– А можно поиграть в прятки? – предложила Наташа.

– Ха! – воскликнул удивленно физрук. – Ты гляди, что выдумала. Вам что, по пять лет? И вы согласны? – обратился он ко всем.

Все радостно закачали головой. Видимо, боялись того, что может предложить сам физрук.

– Ну, – протянул физрук, – если вы все не против, что ж, пожалуйста, играйте в прятки. Только на территории школы! А вот, кстати, и еще компания к вам подросла.

Мы оглянулись. К нам приближались первоклашки с их учительницей, идущей впереди всего класса. У младших классов вплоть до третьего преподавал лишь один учитель.

– Здравствуйте, Павел Аркадьевич! – поздоровалась их учитель. – Во что вы тут играете? Не против, если мои ребята присоединятся к вашим? – любезно поинтересовалась она.

– Конечно, нет, Марья Сановна, – ответил вдруг раскрасневшийся физрук. – Они как раз собрались играть в прятки! Думаю, это понравится и вашим первокладкам.

– Замечательно! – воскликнула она, повернувшись к своим ученикам. – Вы как, согласны поиграть вместе с четвертым классом?

Все робко кивнули, посматривая на нас. В их глазах мы были старшеклассниками. Это было приятное чувство. Мы посмотрели на них в ответ, как делают ученики, что старше нас самих.

«Нам придётся играть с такой мелкотней».

Среди них я заметила стоящую боком Кристину.

– Так, все помнят правила поведения? Играть только на территории школы и не уходить далеко от самого здания школы, иначе не услышите звонка, – напутствовала их учительница.

– Да, Марья Сановна! – ответили они хором.

– Хорошо, тогда идите.

Наташа сразу записала себя в роли ведущей игры. Много раз она повторяла всем известную считалку, выбирая, кто будет водить. Кристину я старалась всё так же не замечать. Так как людей было слишком много, мы решили, что искать должны двое, а остальные – прятаться. Искать выпало одной девочке из первого класса и нашей Софии. Все остальные вздохнули с облегчением, обдумывая место, где бы пересидеть оставшееся время. Как только они обе, отвернувшись, закрыли глаза и начали считать вслух, все разом разбежались кто куда. В животе появилась радость от предвкушения игры. Я приглядела большой куст сирени, что начинал цвести около левого крыла школы. Ни на кого не смотря, я побежала изо всех сил, опасаясь не успеть вовремя укрыться от взора девочек.

«Лишь бы добежать, лишь бы добежать...» – повторяла я про себя, боясь обернуться. Мне ужасно хотелось взять и обернуться хоть на долю секунду, и от этого желания мне хотелось бежать еще быстрее. Когда бежишь, кажется, что за тобой всегда кто-то наблюдает, а на самом деле, я думаю, мы просто хотим привлечь таким образом к себе внимание.

Свернув за куст, я тяжело задышала, приводя дыхание в порядок. Казалось, что сердце не выдержит такой нагрузки от радости. Но здесь меня ждал сюрприз. Как выяснилось, не только мне приглянулся этот замечательный куст для укрытия. Здесь уже была Кристина. Моя радость теперь сама куда-то убежала. Без меня. Какая она непостоянная и ненадежная. Получается, раз мы сестры, то нам нравится один куст из всех рядом растущих, что ли?

Кристина испуганно на меня взглянула, присев на корточки, чтобы ее светлую голову не было видно среди зелени. То же самое сделала и я. Между нами повисло молчание. Я не знала, честно, что нужно говорить человеку, с которым мне нельзя было общаться. Она тоже не произносила ни слова. Только изредка посматривала в мою сторону и водила сломанной веткой по земле. Никогда еще я не хотела, чтобы меня так быстро нашли. Мне даже пришла в голову идея выйти и сдать, но почему-то стало жаль тогда Кристину. Я была готова немного подождать и потерпеть общество Кристины, нежели заставлять человека чувствовать себя ненужным. Мы просто стали ждать, когда нас найдут или прозвонит звонок. Нашу тишину в кустах нарушил прерывистый голос бежавшего Каченцова:

– Па-вел Ар-кадь-евич! – пытался он говорить во время бега. – Я посчитал деревья – их ров-но одиннадцать! Мож-но я не буду бежать еще один круг?

– Ты уверен? – крикнул он с сомнением. – Ничего не пропустил? Всё же еще один круг давай сделай и будь внимательней! Прибавь темпа! Прибавь, давай! – выкрикивал физрук, смотря на свой секундомер.

Расстроенный Каченцов начал еще интенсивнее размахивать руками. Будто это могло ему помочь в беге.

Перестав обращать внимание на запыхавшегося Каченцова, Павел Аркадьевич, отвернувшись, что-то увлеченно рассказывал стоящей рядом Марье Сановне.

– За что это ваш физрук заставляет бегать этого парня? – спросила тихо Кристина.

Я думаю, она и сама не поняла, как озвучила свой вопрос.

Уходить я не хотела и не отвечать я тоже не могла, потому что тогда она также почувствовала бы себя одиноко.

– Слишком много умничал, – проговорила я, просто констатируя ответ, не продолжая разговор.

– Ааа, – произнесла Кристина, опустив голову. Она вернулась к вождению веткой по земле. Мне показалось, ей было стыдно за неожиданно начатый разговор.

– Я... слышала, что Марья Сановна – очень хорошая учительница... это так? – спросила я, понимая, что если продолжу задавать вопросы, может получиться разговор, а где разговор, там всегда может зародиться дружба.

Кристина удивленно на меня посмотрела, прекратив свое занятие.

– Правда. Особенно, если увлечь ее разговорами о себе и своей любимой собаке, то уроки проходят незаметно.

Я непроизвольно улыбнулась.

– Да уж, неплохо, вот бы такую учительницу по русскому языку. Писать диктанты тогда было бы гораздо веселее!

Мы обе одновременно рассмеялись, прикрывая рот рукой, чтобы не выдать свое местоположение. Аккуратно выглянув из-за листвы, я увидела идущую недалеко от нас Софию, что резко повернула голову на послышавшийся шум нашего куста. Но ее внимание тут же было отвлечено другим первоклашкой, что по неосторожности выглянул из-за ступенек школы. София тут же помчалась обратно к своему месту, дабы зарегистрировать пойманного.

– Вроде бы пронесло, – произнесла я шепотом.

– Угу, – поддакнула Кристина.

– Чуть не попались. Надо сидеть тихо, иначе нас обнаружат.

Наступило снова молчание, но на этот раз в нем не было неприятного напряжения.

Спустя пару минут мы услышали звонок.

– Что ж... – начала я неуверенно, поднявшись с земли. – Пора идти домой.

– Да, – ответила Кристина. – Здорово, что нас так и не нашли здесь. Это счастливый куст.

– Да! – повторила я за ней, смеясь. – Теперь он мой самый любимый из всех кустов в школе.

Мне было приятно немного поболтать с Кристиной, пока мы шли обратно к нашим классам. А то, что она была моей родной сестрой, добавляло еще больше интереса в наше общение.

Кристина, как и ее класс, вернулись во владение Марьи Сановны, а мы – к нашему физруку, что ждал подбегающего к финишной черте Каченцова. Он как раз закончил бежать второй круг. Тяжело дыша, он, весь мокрый, оперся на колени, не поднимая головы.

– Ну что, Шерлок, пересчитал снова деревья? – крикнул ему физрук.

Каченцов устало поднял голову.

– Павел Аркадьевич, – выговорил он с трудом, – их там ровно одиннадцать, как я вам и говорил в первый и во второй разы.

– Разве? – удивился физрук, качая головой. – Значит, я ошибся. Я же говорил, у меня были проблемы с математикой. Так, ребята, переодевайтесь и идите домой. На сегодня все свободны.

И как ни в чем не бывало направился в школу. Никогда я еще не видела Каченцова таким злым. Мне даже показалось, что он всё-таки сможет прожечь спину вслед уходящему физруку. Мы также направились к школе.

– Вы что, теперь с Кристиной дружите? – спросила София.

– Нет! – воскликнула я в испуге. – С чего это ты взяла?

– Мы видели, как вы обе над чем-то смеялись, выходя из своего укрытия, – вставила тут же Наташа. – И вообще, как так получилось, что вы спрятались там вместе? – спросила она озадаченно.

– Слушайте, мы просто разговаривали, понятно? Не молчать же надо нам было всё то время, что нас не могли найти, – ответила я подругам с раздражением.

– Ты чего это так злишься? – высказала мне Наташа. – Я, например, не понимаю, почему ты с ней не общаешься. Ну и что, что родители развелись, вы с Кристиной же не виноваты в этом. Вы не просили их рожать, – сумничала Наташа как всегда.

Но в чем-то она здесь была права...

– Я хоть живу с обоими родителями, но одна в их маленькой семье, – продолжила она. – Я была бы рада иметь еще кого-то, помимо себя. А еще, если это была бы сестра, вообще было бы здорово! Я даже готова делиться с нею своими красивыми платьями, лишь бы было с кем поделиться.

Наташа замолчала. Было непривычно видеть ее такой расстроенной. Мы с Софией и не подозревали, что ей так плохо одной в семье. А откуда мы знали, ведь у нас были братья и сестры. То, что есть у одного, всегда хочет кто-то другой.

Глава 5

– Алис, я, кажется, видела машину твоей мамы, стоящую около школьных ворот, – проговорила задумчиво Наташа. Это была первая ее реплика за всё то время, что мы переодевались в девчачьей раздевалке после того внезапного одинокого ее признания.

Я сомневалась, что это могла быть моя мама.

– Ты, наверно, ошиблась. Мама давно уже не забирает меня из школы. Она привыкла, что со мной ничего не случается.

– Значит, сегодня она об этом вспомнила, – продолжила настаивать Наташа, закрывая свой шкафчик. – Так бывает иногда. Забываешь важное, а потом вспоминаешь.

– Сейчас мы это выясним, – ответила я равнодушно на ее замечание. Я не обижалась на ее язвительные замечания. Совсем недавно она показала свою слабость и теперь злится из-за этого. К тому же мы еще и подруги.

Покинув наконец-то еще один день из жизни школы, на улице около ворот, как и говорила Наташа, действительно стояла мамина серая машина. Это и вправду была она.

– Я же говорила, – не удержалась еще раз напомнить свою правоту Наташа.

– А вот и мой отец тоже здесь! – воскликнула рядом София, указывая на соседнюю машину рядом с машиной. – Ладно, девочки, пока. Сегодня каждый идет своим путем.

– Пока, – проговорили мы с Наташей, помахав ей в ответ.

Мама посигналила мне несколько раз подряд, что привлекло пристальное внимание проходивших мимо нас. Спасибо тебе, мам!

– Тебя подвезти? – спросила я у стоящей еще рядом подруги, похожей вроде на Наташу. Стоит один раз повести себя по-другому, как тебе уже заново приходится привыкать к человеку.

– Нет, спасибо. Я хочу немного прогуляться, – ответила она задумчиво. – До завтра, Алис.

– До завтра, – повторила я ей вслед.

Мама посигналила еще раз. На этот раз оповещение о ее приезде было более продолжительным. За взглядами теперь шел тихий шепот среди учеников. Нужно было поскорее спрятаться в машину. Сделав два шага, я заметила Кристину, шагающую с какой-то темноволосой девочкой с массивным бантом на голове, который больше ее самой. Они над чем-то вместе смеялись. Кристина перевела взгляд на меня. Я в испуге отвернулась и опустила глаза, смотря на землю так, словно видела ее впервые. Так я шла до самых дверей машины, зная точно, сколько я сделала шагов за это время.

– Привет, мам, – проговорила я быстро, сев в машину. – Ты не предупредила, что забереешь меня сегодня. Что ты здесь делаешь?

Мне нравился запах, поселившийся в машине. Здесь были мамины любимые духи, пахучая наклейка, предназначенная специально для создания аромата, и был еще какой-то запах, принадлежавшей только этой машине. Ее собственный. Видимо, он поселился, как только ее собрали на заводе. Как имя, что дают всем нам с рождения.

– Разве я не могу забрать свою дочурку из школы? Для этого мне не нужно тебя предупреждать, – ответила она, смотря куда-то вдаль.

Мимо нас проходили ученики.

– Ты что, расстроена моим приездом? – спросила она после короткого молчания. Она не переставала словно кого-то высматривать в идущей мимо нас толпе.

– Нет, что ты, мам... я просто удивлена, вот и всё! – произнесла я как можно спокойнее. – Ммм... может, мы поедem уже? Я так есть хочу.

Забота всегда ее отвлекала от других дел. А голодная дочь – особенно.

– Хорошо, – ответила она, вздохнув. Оторвавшись наконец-то от идущих лиц, она быстро завела машину, и мы тронулись с места. Я неуверенно повернула голову туда, где последний раз стояла Кристина с девочкой и с бантом. Его нетрудно было найти среди прочих. Они всё так же болтали на том же месте. И только Кристина, как и я, неуверенно посматривала в мою сторону. Она не улыбалась мне. Не посылала никак прощальных жестов или вроде этого, что обычно делают друзья. Ничего. Может быть, перед тем как она увидела испуг в моих глазах, и теплилась надежда на дружественное прощание, ведь мы всё же прятались вместе за одним кустом сирени, но теперь только немые взгляды незнакомцев, которые словно никогда и не разговаривали. Здесь было слишком трудно прятаться. Я отвернулась. Мне не хотелось больше туда смотреть. Мне нельзя с ней дружить. Нельзя иметь сестру. Поэтому об этом не стоит больше думать.

– У тебя всё хорошо? – спросила обеспокоенно мама. – Ты выглядишь какой-то подавленной. Проблемы в школе?

«Если бы я рассказала тебе, в чем дело, ты бы выглядела гораздо более расстроенной, чем я. И злее», – подумала я про себя.

– Я просто очень устала. Последним уроком была физкультура, и мне пришлось бегать дольше остальных, чтобы избежать отжимания в конце урока. Не люблю эти отжимания! Потому что они не получаются у меня, – лгала я так правдоподобно, что, кажется, поверила в это сама.

Это лучше, чем другая правда. Мама заметно расслабилась. На ее лице появилась довольная улыбка от полученной информации.

– Ты вся в меня, – проговорила она с гордостью. – Я тоже в школе терпеть не могла все эти отжимания на руках и всё такое. Слишком много сил тратила на то, что отсутствовала в руках. Не переживай, ты пошла в свою мать, – проговорила она ласково, словно была довольна таким исходом природы.

Странно... но это прозвучало как-то... без меня, что ли. Я же другой человек, а не ее клон. Но вместо озвучивания своих подозрений я просто улыбнулась в ответ на ее приятное замечание. Для нее, конечно. Я знаю, она не хотела меня обидеть. Я думаю, что никто не хочет на самом деле кого-то обидеть или задеть чем-то неприятным, все всего лишь навсего не хотят чувствовать себя одинокими.

– Ты... – начала она неуверенно, – случайно не встретила еще Кристину в вашей школе? – проговорила мама после минутного молчания. Она не смотрела в мою сторону, когда это произошло. Все ее внимание было сосредоточено на практически пустой дороге, где машины встречались крайне редко.

– Да... я видела ее пару раз... наверно... но я с ней не разговаривала! – воскликнула я чересчур громко на всю машину.

Мама пристально взглянула на меня. Но, видимо, мое вранье она приняла за страх. Она тяжело вздохнула.

– Алиса, я знаю, что тебе хочется иметь обоих родителей и, возможно, даже общаться с ней... но ты должна понять – мы чужие друг для друга, несмотря на то что у нас много общего.

Она быстро взглянула на меня. Кажется, я поняла, кого именно она подразумевала.

– Сейчас тебе может это показаться слишком сложным и запутанным, но будь уверена: когда подрастешь, всё изменится. Тебе не придется слушать это повторно, так как сама захочешь об этом говорить и жаловаться на всё, что происходит вокруг тебя.

– Да, да, да, – ответила я, закатив глаза, – я уже и это слышала.

Мама тяжело вздохнула, продолжая пытаться объяснить свою правоту:

– Наша семья – это ты, я, Никита и Гриша со своей семьей. А твой отец, – она сделала паузу, – покинул нас и обзавелся другой семьей с чужими для нас людьми.

Я ничего ей не ответила. Молча отвернувшись к окну, я погрузилась в себя. В последнее время я всё чаще стала так делать. Не сказать, что мне нравилось это занятие, но я ничего не могла с этим поделать. Стоило появиться хоть одной мысли в моей голове, как тут же возникала другая, далее третья и так далее, тянувшие меня всё дальше и дальше, обгоняя одну за одной по сложной, порой нелогичной последовательности. В стеклянных глазах от проносящихся мыслей отражались только мелькающие деревья, пробегающие мимо, или наоборот, мы их обгоняли... «Если что-то стоит на месте, значит, только мы можем это обогнать, но, быть может, это вовсе и не нужно?» – гадала я. Гнаться за тем, что не стоит твоего времени. Получается, деревья умнее нас? Кто знает, что есть на самом деле. Взрослые говорят, что только Бог всё знает и видит.

«Непросто ему наверняка живется...» – подумала я, улыбнувшись. С таким-то багажом знаний. Я вот недавно пыталась выучить заданное на дом стихотворение из двадцати строчек и в итоге сдала его на тройку. А тут такое!

Присмотревшись к тусклому отражению в окне, помимо деревьев, я заметила мамину улыбку.

Глава 6

Семья – очень хорошее слово... Оно согревает тебя, когда тебе плохо, и защищает от возникающего периодически странного чувства – будто ты один в этом мире. Ничто на свете так не важно, как собственная семья. Здесь принцип простой – тебя любят за то, что ты здесь родился. Но, к сожалению, в последнее время это слово для меня превратилось в смятение. Семья – это не просто место, где о тебе заботятся. Здесь ты дышишь тем кислородом, что выпускают твои родные. Это их собственная атмосфера, так сказать. Общая кровь делает тебя автоматически приверженцем данной семьи, но это еще не значит, что из-за одинаковой крови что течет по твоим венам, тебя будут любить. Это относилось к Кристине и к моему отцу.

Я люблю свою семью, потому что они единственные, кого я так долго знаю и кто заботится обо мне с самого моего рождения, пускай я даже это и плохо запомнила. Младенческое детство и всё такое. А когда кого-то любишь, ты не хочешь его обижать или расстраивать чем-то неприятным.

С мамой мы больше не возвращались к теме о плохом отце и его чужеродной семье. По крайней мере, в оставшемся остатке дороги до дома. Мама время от времени напоминает о том, что отец оставил своих детей, словно это делалась для того, чтобы ее дети знали, как выглядит предательство.

– Садись за стол, я сейчас быстро разогрею тебе покушать, – проговорила мама, доставая глубокие тарелки из кухонного шкафа.

– Эммм... мам, знаешь, мне что-то уже не хочется есть. Может, позже?

Мама застыла с тарелкой в руках.

– Ты же совсем недавно говорила, что чуть ли не умираешь с голоду. Я даже боялась, что не довезу тебя домой, – попыталась она пошутить, убирая назад посуду.

Я улыбнулась. Как же всё-таки приятно, когда о тебе беспокоятся. Я быстро подбежала к маме и крепко ее обняла. В ответ я почувствовала, как мамины руки так же крепко прижимают меня к себе.

– Доченька моя, – проговорила она ласково, проводя рукой по моей голове. – Как же я люблю своих детей. Вы для меня весь смысл в этой жизни!

Я дышала очень тихо, боясь нарушить мамино счастье. Перестав гладить, она поцеловала меня прямо в макушку. Мне всегда нравилось, когда мама так делала. Поцелуй в голову или лоб значит «Я забочусь о тебе».

– Хорошо. Беги тогда делай уроки. Скажешь, когда проголодаешься наверняка.

– Угу, – ответила я, высвобождаясь из ее объятий.

«Смысл в этой жизни», – размышляла я над мамиными словами в своей комнате. Это, конечно, здорово, что ты наполняешь смыслом жизнь другого человека, но ты должен в первую очередь сам с этим справляться. Если твоя жизнь будет зависеть от другого, тогда тебе никогда не стать счастливым. Я так считаю. Ведь мало ли что может произойти с человеком, в которого ты поместил всю свою жизнь? Мой отец, в отличие от мамы, скорее всего, таким не страдает. Он редко даже навещает нас, с тех пор как ушел. Не знаю, почему он так поступает. Приходить к своим детям ему не запрещали. Была ли причина в маме, которой было больно его видеть в те нечастые встречи? Или из-за своих детей, к которым его отцовские чувства просто-напросто стали чуть менее важны остальных. Но мне не хочется так думать, будто мой собственный папа, возможно, меня больше не любит. Даже несмотря на то что его нет в этом доме, отказываться от близких людей никто тебя не заставляет. Никиты тоже нет рядом, но это не значит, что он перестал нас любить. Мама была права. Во-первых, я хотела иметь обоих родителей, а во-вторых, отец нас предал. Почему он так сделал, я надеюсь понять со временем, как и говорит мама.

Отложив ответы на потом, я занялась уроками. Учителя не поскупились на задания в этот раз. Здесь было всё для кошмара. Русский язык, английский, куча математических задач и чтение. Просмотрев дневник, я в ужасе обнаружила еще и рисование! Наша классная руководительница попросила нарисовать две вещи: то, что мы больше всего любим, и то, что нас сильнее всего беспокоит, или по-другому – не любим. Говорит, этот специальный опрос нужен для психолога, что временно поселился в нашей школе. Может, они отыгрываются на нас за свои школьные годы, проведенные за уроками? На рисование она дала нам месяц. Как же хорошо! Хотя одним предметом меньше. Первое время я думала, какой урок сделать первым из всего этого ужаса. Выбор пал на русский язык. Правда, я сомневалась, какой из двух языков проще учить. Русский со всеми возможными запятыми или английское произношение, где четыре буквы дают всего один звук? Зачем везде так нужно все усложнять? Наверно, каждая нация хочет выглядеть особенной наряду с другими, и только избранный может постичь их язык и сойти за своего.

На изучение двух этих языков я потратила почти полтора часа. От одного болели мозги, а от другого – язык. После математических задач самочувствие никак не улучшилось, но, когда пришло время для чтения, я ощутила прилив неземного счастья. Здесь можно было расслабиться и не спеша обдумывать полученную информацию.

Разобравшись и с чтением, я упала без сил на мягкую кровать. От нее исходил запах стирального порошка. Неподвижно я смотрела в белый потолок надо мной. Запах порошка и белая белизна потолка сливались в моей комнате воедино. Я представляла, как потолок неожиданно обрушивается на меня, на эту чистую кровать, что сегодня меняла мама. И как внезапно обрывается между тем моя жизнь. Интересно, каково будет моей семье без меня... К сожалению, если такое со мной случится, я, увы, этого не узнаю. Я буду жить, куда себя помню.

Невольно, рассматривая свой всё еще оставшийся на месте потолок, я вспомнила про Кристину. Любопытно, а как выглядит ее комната? Возможно, ей тоже нравятся обои оттенка небесной бирюзы или совершенно противоположный цвет. В гостях я у нее вряд ли побываю, чтобы это выяснить. И тут мне пришла в голову простая идея. Можно ведь попробовать поискать ее в интернете! Сейчас выкладывают абсолютно всё, чем можно похвастаться. Я резко поднялась с кровати. Выглянув осторожно за дверь, я проверила, нет ли поблизости мамы или Гриши, но тишину дома нарушал лишь шум на кухне, который и создавала сама мама. Закрыв дверь на замок, я включила компьютер. Сердце в груди бешено колотилось, пока я набирала на клавиатуре ее фамилию и имя. Нажав поиск, я затаила дыхание. Всего около десяти человек в нашем городе было зарегистрировано с похожими инициалами.

«Я же не делаю ничего плохого! Я просто хочу посмотреть, как выглядит ее комната. И это вовсе не значит, что я предаю маму!» – успокаивала я себя, листая открывшийся список в интернете. Перебирая фотографии неизвестных лиц, я встретила среди них именно ту Андропову Кристину Леоновну, которую пыталась разыскать.

На основном фото профиля она улыбалась. У Кристины была красивая улыбка. От нее хотелось заулыбаться в ответ. Затаив дыхание, я кликнула на фото два раза.

О себе она указала не так много в профиле. А о чем можно, собственно говоря, рассказывать, когда ты заканчиваешь только первый класс. Я заметила, что о себе и о жизни слишком много говорят лишь взрослые. Выставленных фото было крайне мало. В основном это сфотографированные цветы в саду и пара семейных фото. На одном снимке я разглядела рядом с ней отца. Он обнимал ее так же крепко, как и мама меня совсем недавно... На его лице была счастливая улыбка, и такая же красивая с ямочками на щеках, как и у Кристины. Не помню, чтобы у меня была такая же. Я подбежала к зеркалу и проверила свою улыбку. Не-а. Ни улыбки, ни похожих снимков. Я вернулась обратно к компьютеру. На секунду я вообразила, что на этом семейном снимке есть и я. Может, и без ямочек на щеках, но такая же счастливая вместе с родным папой и сестрой...

– Алиса, ты еще не надумала обедать?.. – из ниоткуда вдруг появился мамин голос у моей комнаты.

Дверь ручки начала дергаться. Мама пыталась открыть дверь. Испугавшись появления мамы, я как можно скорее начала закрывать открытые страницы с фотографиями.

– Алиса, что такое? – произнесла она недовольным голосом за дверью. – Почему я не могу войти? – возмутилась она. – Алиса! Ты меня слышишь?

– Да, да, мам! Я сейчас уже иду, – ответила я, в панике пытаюсь закрыть противную зависшую вдруг вкладку. Кликающая рука на мышке дрожала в испуге от того, что мама застанет меня врасплох.

– Пожалуйста, пожалуйста, закройся наконец-то уже, – шептала я, умоляя компьютер закрыть следы преступления.

Послышался громкий стук в дверь. Я вздрогнула.

– Алиса, открой сейчас же эту чертову дверь! Иначе я пойду и возьму второй запасной ключ.

Все вкладки были закрыты. Вскочив со стула, я бросилась открывать маме дверь.

– Что случилась? Почему ты так долго открывала дверь? – тараторила мама, как только вошла в комнату.

Она бегло осмотрела комнату в поисках, наверно, возможной угрозы.

– Извини, мам, я... задремала немного после чтения... вот и тяжело было полусонной понять, что происходит.

Экран компьютера потух. Я вздохнула с облегчением.

– А зачем вообще тебе пришла идея в голову запирать дверь на замок? – продолжала она возмущаться, раскидывая руки в разные стороны. – Я бог знает что уже подумала и передумала, пока ты старалась проснуться!

– Я случайно закрыла, извини, – ответила я тихо, опустив глаза в пол.

Мне хотелось спрятаться под кровать, подальше от маминого сверлящего взгляда. Или укрыться с головы до ног под огромным одеялом.

Мама горько вздохнула.

– Алиса, я ругаюсь, потому что сильно за тебя испугалась. Пожалуйста, постарайся больше не запирать дверь, хорошо?

Я кивнула. Сейчас я была готова согласиться на всё что угодно, лишь бы унять этот неприятный зуд в теле. Мне было ужасно стыдно за то, что искала сестру в интернете. Неудивительно, почему совесть никто не любит. Ей до ужаса нравится приковывать к себе людей. Она не позволит больше ни на что обращать внимание. Только на себя.

Мама заметно расслабилась, наблюдая за моим подавленным настроением. Временами мама становилась «хамелеоном». Она могла вспыхнуть как огонек, но и тут же погаснуть, стоило только извиниться и попросить прощение ее детям. С чужими людьми она обходилась куда строже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.